

Жан Дювернуа

Историк, специалист по средневековым ересям.

«Никогда не было костра Монсегюра...»

перевод Н. Дульневой

Общий вид пеш Монсегюр, где был построен в начале XIII века, потом осажден и взят армией крестоносцев в 1243-1244 годах castrum Монсегюр. Место впоследствии было «передано» сирю де Леви королем Франции. Последний построил там укрепление, остатки которого сохранились по сей день.

Описывая взаимоотношения между Инквизицией и ересью, особенно катарской, историки пролили много чернил, и ведут горячие споры...

«Никогда не было костра Монсегюра»: такая фраза вышла из-под пера проф. Этьена Деларуэлля в обзоре «Археология» в декабре 1967 года. Так он неосмотрительно перефразировал более осторожный тезис Ива Доссата, который, встретив упоминание о женщине, плененной в Монсегюре и сожженной в Бrame, ограничился тем, что написал в 1944 году: «относительно этого костра возникает много сомнений». Эрудиты, которыми были Ив Доссат и Этьен Деларуэльль, не могли скрыть раздражения популярной литературой, которая - хотя в то время она только еще начинала публиковаться - казалось, приписывала катаризму одни добродетели. Эту реакцию можно назвать «синдромом аттического крестьянина». Подобно тому, как этот крестьянин утомился слышать, что Аристида называют «справедливым», эти историки до тошноты пресытились чтением фраз наподобие: «они называли себя катарами, потому что хотели быть чистыми». Но они доверяли документам, составленным Инквизицией, по крайней мере, Инквизицией Юга.

Попробуем же коротко восстановить историческую нить и ее историографическое продолжение.

Возвращение к инквизиторам

Первый инквизитор, Конрад Марбургский, был убит в 1233 году, после того, как он распространил в Германии идею о том, что *ketter* (возможно, германский корень слова *катар*) поклонялись дьяволу под видом кота перед тем, как предаваться ночным оргиям. Его преемник в северо-восточной Франции, РоберлеБугр, обличил многих из тех, кто долгое время был его единоверцем (он сам был еретиком, а затем раскаялся и вступил в доминиканский орден). Историкам плохо известна его судьба, но его конец не был поучительным: по-видимому, он был арестован и заключен в тюрьму за свои злоупотребления в 1239 году, потому что, в конце концов, начал говорить, что он с помощью магии заставлял своих жертв осуждать себя.

Что до последующих инквизиторов, то они были назначены в Лангедоке после мирного договора 1229 года (трактат Мо-Париж, в котором граф Раймонд VII Тулузский капитулировал перед королем Франции, и положивший конец Альбигойскому крестовому походу), Собором, состоявшимся в Тулузе, и определившим процедуру расследований, называемую *inquestili inquisitio*. К тому же, катаризм перед крестовым походом был очень распространен на этих землях и не мог стать объектом

измышлений, которыми прославились первые упоминаемые инквизиторы. Но оставался еще вопрос индивидуальной ответственности и санкций, а также можно было опасаться нарушения процедур, которые держались в тайне. Как сказал поэт Монтаньяголь: «*Ar se sont faitzenqueredor/ E jutjon aissi com lur plai*» (Вот так они сделали инквизиторам/ И судят, как им вздумается). В другие времена эти стихи причинили бы ему серьезные неприятности. Но ведь они были адресованы Раймонду VII, а последний отнесся к ним очень терпимо, поскольку тогда у него был сенешаль Жордан Унод де Ланта, сын сожженной совершенной и брат находящегося в бегах совершенного.

Возможно, Инквизиция не оставалась бы такой жестокой, если бы Рим не шел на постоянное обострение ситуации. Худшим проявлением этой политики было разрешение применения пыток. Если добавить к этому заключение втесный Мур, в кандалах и в подвале, то такие процедуры могло привести к разного рода злоупотреблениям. Насилия инквизиторов Каркассона и епископа Альби стали причиной кризиса в 1295-1305 годах, названного «каркассонским безумием», после чего первый авиньонский Папа выпустил буллу, где инквизитору предписывалось выносить приговор только вместе с епископом. Но этих мер было недостаточно, потому что епископы были либо безразличны к этому, либо еще более репрессивны, чем доминиканцы. Так было в случае францисканцев-спиритуалов и бегинов в Нижнем Лангедоке, которых в 1320-х годах сожгли около шестидесяти человек.

Что до французской короны, то ей доставались только налоговые поступления. Было объявлено, что решение Раймонда VII оставлять за выкуп имущество тем, кто признается во время «периода милосердия» - решение, которое соблюдалось Альфонсом де Пуатье - не было отменено королем после смерти последнего, и так применялся эдикт *Cupientes* Людовика Святого. Деньги от выкупа имущества поступали также епископу Тулузскому, аббатствам, таким как Сен-Сернен и Бульбонн, а также ста двадцати гражданам Тулузы.

Мы не знаем, что случилось после смерти этих шестидесяти несчастных, потому что сведений о тех, кто оставался еще в Муре Тулузы под конец XIV века и далее, до самой Реформации, до нас не дошло. Во время Реформации сами доминиканцы становились подозреваемыми, а Парламент Тулузы организовывал преследования. В результате на костер был осужден даже инквизитор Луи де Рокетт в 1538 году, а также его помощник Антуан Рикарди в 1539. Тулузский Парламент продолжал

расследования заблуждений в области веры, и именно он вынес приговор о сожжении философа Ванини в 1619 году.

Катары соблазняют своих верных. Оксфорд, Бодлианская библиотека, рук. Бодли 27 obf 123 v. Катары, одетые в синее, плотски соблазняют верующих: в этом пропагандистском труде, направленном против еретиков, сексуальная распущенность обличалась как средство вовлечения в ересь.

«Проповедник Лангедока» Жана-Поля Лорана (1838-1841).

Эта реконструкция очень анахронична в деталях, и представляет собой романтическое видение истории.

1. Жан-Поль Лоран изобразил процесс над Бернаром Делисье, французским монахом, родившимся около 1260 года. Он был одним из наиболее грозных противников доминиканской Инквизиции и лидеров «каркассонского безумия».

2. В первом ряду, лицом к «проповеднику» сидит главный инквизитор, одетый в горностаевую мантию, и окруженный двумя монахами-секретарями.

3. За ними восседают представители Церкви, кардинал и епископы, которых можно узнать по головным уборам. Их лица выражают удивление, возмущение, порицание и безразличие, контрастирующие с движениями и речами монаха, одетого во францисканскую рясу и обличающего протягивающего руку в их направлении.

Святой Доминик, инициал (особым образом оформленная заглавная буква) в виде исторической миниатюры из римского Миссала (католического требника) или так называемого миссала Аттавантедельи Аттаванти (1452-1557), 1483, Муниципальная библиотека Лиона, рук. 5123 f325v.

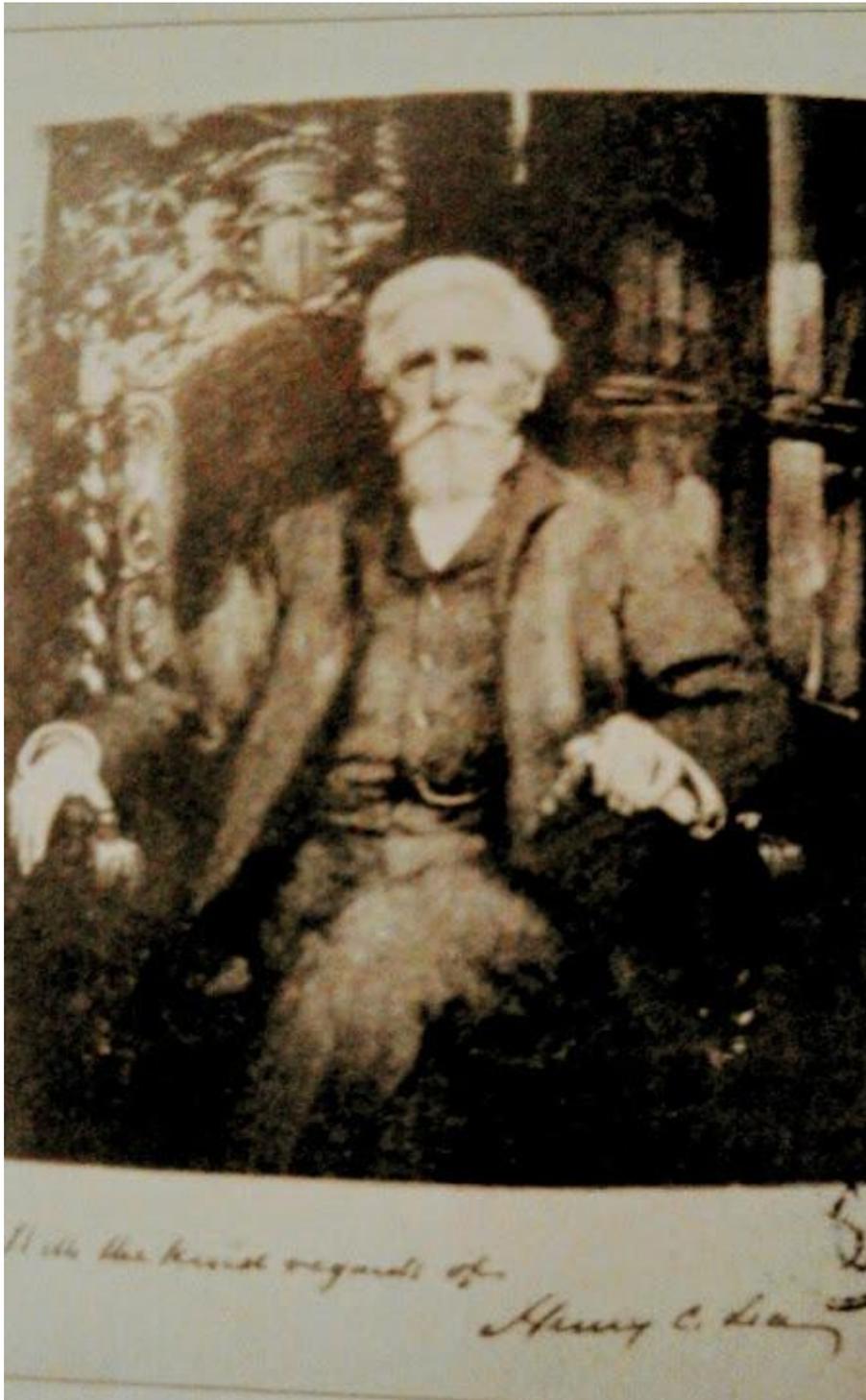
С XVII столетия историки начали складывать воедино разрозненные источники Инквизиции. Преследовать еретиков по ее процедуре стали братья ордена, основанного Святым Домиником в начале XIII века.

К истории ересей.

Кольбер (министр финансов Франции XVII века) хотел увеличить поступления в казну французской короны, уничтожив главную льготу Средиземноморья относительно определенного налога, льготу, которая обозначается терминам «фригольд (свободное владение) Лангедока». Так Кольбера описывают историки, как, например, Балюз и Антуан Галанд. Но он еще известен тем, что доверил Доа, мировому судье Беарна, задачу скопировать все архивы региона. Благодаря этому теперь мы имеем 258 томов in folio, переплетенных в красный сафьян с гербами Франции, которые до недавнего времени ковром устилали пол консультативной комнаты рукописей Национальной Библиотеки Франции. Тома с 21 по 37 содержат

копии того, что еще оставалось от документов Инквизиции Тулузы и Каркассона в 1667-1669 годах. В 1668 году появилась *История уклонений протестантских Церквей* Боссюэ, IX книга которой называется *Очерк истории альбигойцев и вальденсов, уклифистов и гуситов*. В 1691 году П.Бенойст, доминиканец из Каркассона, вставляет в свою *Историю альбигойцев и вальденсов или бородачей* фрагменты из инквизиционного процесса. В 1696 году голландский пастор Филипп де Лимборш публикует *Historia Inquisitionis*, в которой он издает все приговоры, вынесенные инквизитором Тулузы Бернардом Ги с 1307 по 1322 годы. Пьер Бэйль, философ, автор *Исторического и критического словаря*, полагал, что альбигойцы были «манихеями», и только кальвинисты продолжали заявлять, что это сравнение является клеветой, и то же самое говорил в XIX веке Наполеон Пейра, который во многом использовал фонды Доа в своей *Истории альбигойцев*. Лютеранин Карл Шмидт, профессор из Страсбурга, издал в 1849 году *Историю и доктрину секты катаров и альбигойцев*, где впервые использовал термин, которому была суждена такая чрезмерная популярность. Его книга была исправлена по поводу некоторых имен собственных и сильно дополнена, но она оставалась на то время наиболее научной и апологетической.

Американский библиотекарь Генри Чарльз Ли потратил собственные весьма значительные средства на то, чтобы получить копии всех неопубликованных текстов, для написания своей монументальной *Истории Инквизиции в Средние века*, изданной в Нью-Йорке в 1887-1888 годах. В то же время католический декан из Мюнхена Игнац фон Дёллингер собрал для приложений к своей *Beitrag zur Sektengeschichte des Mittelalters*, большое количество цитат из средневековых источников, не все из которых были обнаружены, а иные были плохо отредактированы после его смерти. Во Франции Университет и Церковь вышли из достаточно долгого периода равнодушия к этой теме. Э. Молинье и Монсеньор Целестин Доз опубликовали многие тексты между 1880 и 1900 годами. Но в целом изучение этой области было полностью обновлено после открытий Антуана Дондена, француза, работавшего для Института истории доминиканцев в Риме. Он обнаружил катарский теологический трактат, *Книгу о двух началах*, а потом множество других источников, которые мирно спали в архивах целой Европы. Среди них был еще один катарский трактат окситанского происхождения, фрагменты которого находятся в опровержении его вальденсом.

Страница из *Истории Инквизиции в Средние века* Генри Чарльза Ли, Париж, 1901.

Под конец XIX века библиотекарь Генри Чарльз Ли написал монументальный труд: История Инквизиции в Средние века, где он использовал документы, остававшиеся до тех пор неизданными.

Споры о существовании ереси

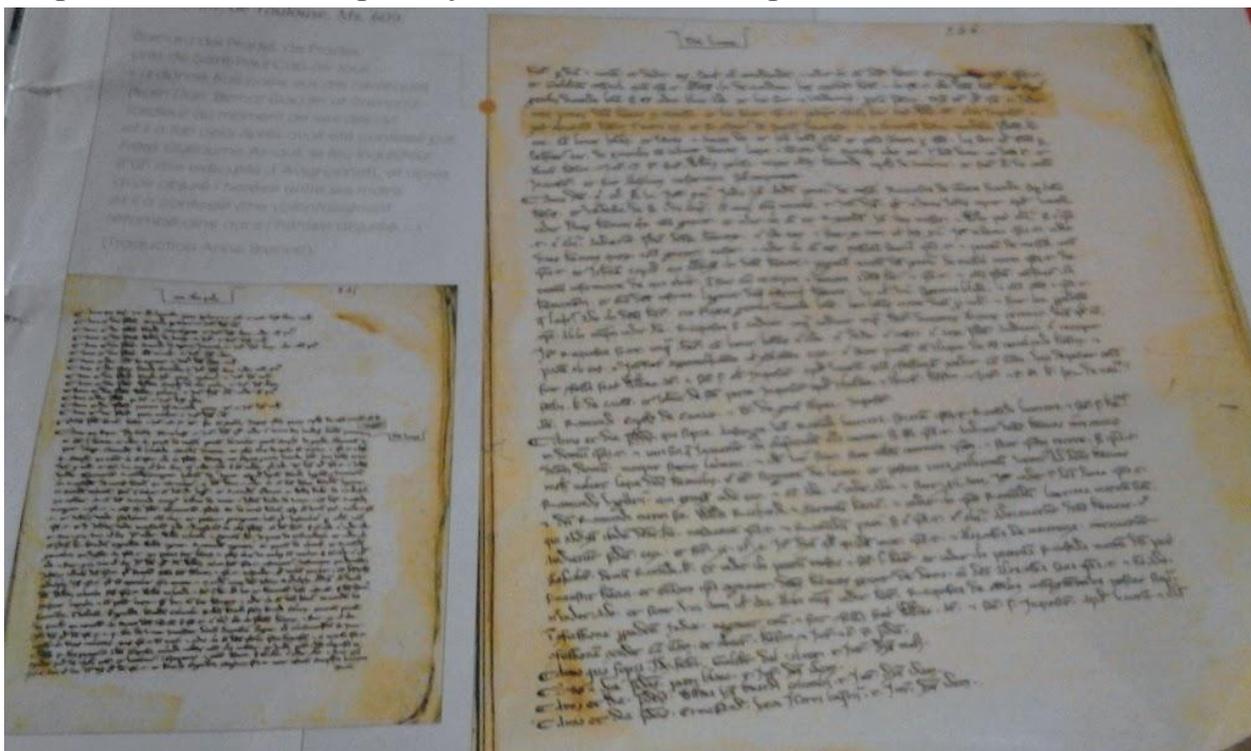
Из-за своих открытий о Донден вступил в дискуссию с проф. Моргеном, который ставил под сомнение существование средневековой ереси, видя в ней исключительно социальный феномен. У этого тезиса не было немедленного эффекта, хотя открытия и публикации текстов, а также комментариев к ним, следовали друг за другом до наших дней. Речь идет о трактатах, особенно итальянских, а также инквизиторских процедурах. Среди последних трудов была моя публикация реестров Жака Фурнье, которая послужила материалом для Эммануэля Ле Рой Лядюри при написании книги *Монтайю, окситанская деревня*, обретшей мировую славу и даже переведенную на китайский язык.

В Германии работы Дондена привели Арно Борста к пересмотру своего издания *Книги о двух началах* и написанию в 1953 году монографии *Die Katharer* (полный и подробный анализ катаризма, который автор рассматривает как средневековый извод манихейства, что в ту эпоху считалось неоспоримым). Труды такого рода, а также исследования на эту тему стали время от времени издаваться во всей Европе. Но вскоре они столкнулись с реакцией отторжения.

Предшественником этого явления был английский профессор Роберт Мур, который в своих книгах *The Birth of Popular Heresy* (1969) и *The Origin of European Dissent* (1977) отрицал внешнее происхождение ереси и акцентировал внимание на роль репрессий в ее создании. Для крайних приверженцев этого тезиса средневековая ересь была чистой выдумкой цистерцианцев. Во Франции профессор Моник Зернье создала в Ницце несколько коллоквиумов и издала первый сборник выступлений на них под названием *Inventer l'Herésie? (Выдумать ересь?)* (1998).

Тезисы Моргена были подхвачены в Италии профессором Занелли, который стал отрицать само содержание понятия «ересь». Он считал, что это своего рода «болезнь» (*malessere*), имеющая социальное происхождение. Во Франции раздражение от публикуемых большим тиражом книг о катарах привело некоторых ученых, в частности, Жана-Луи Биже и Жюльена Тьерри к сплочению вокруг теории о «недуге», а также к полной «деконструкции» (опираясь на метод Мишеля Фуко), традиционного видения катаризма. Мол, не было никаких «совершенных», организованных в иерархический орден, а только Добрые люди, иначе говоря «мудрецы, старейшины». Не было никакой иерархии, потому что австралиец по имени Пегг написал диссертацию, в которой утверждал, что об этом ничего не говорится в рукописи 609 в Муниципальной Библиотеке Тулузы, где на самом деле

встречается около сорока упоминаний о катарских епископах и диаконах.

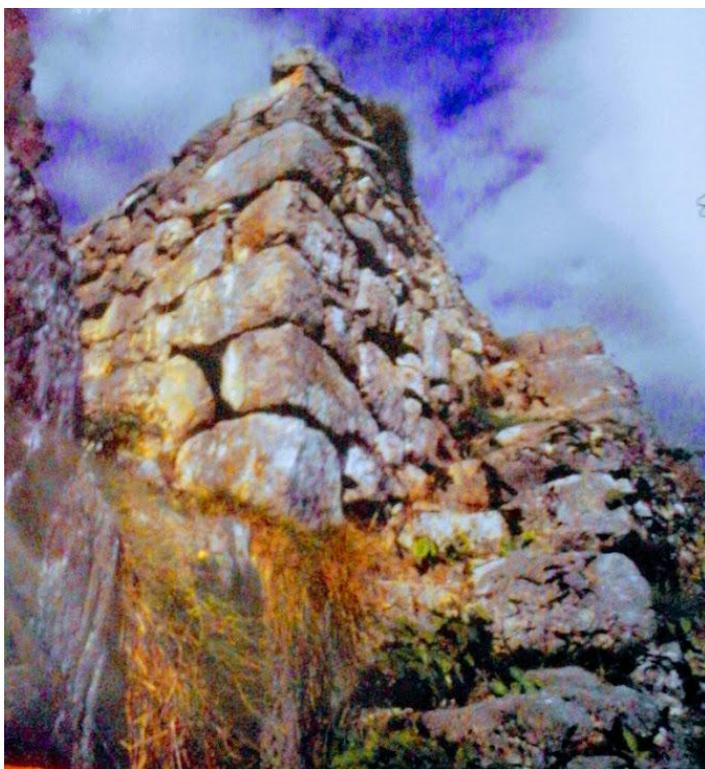
Свидетельство жителей Отпуль (Alto Pullo) перед инквизитором Бернардом де Ко, 1245 год. Муниципальная Библиотека Тулузы, рук. 609. Бернард дельПрадель из Прадес возле Сен-Поль Кап де Жу «дал три хлеба названным еретикам (Изарн Дон, Бернат Годаль и Раймонд Тардю), когда они уходили, и сделал это после того, как исповедовался перед братом Гийомом Арнотом, покойным инквизитором (одним из убитых в Авиньонет) и после того, как отрекся от ереси и исповедовался перед ним, он вновь добровольно впал в ересь, от которой отрекся...» (пер. Анн Бренон)

Жертв этого «недуга» можно обнаружить среди «мелкой знати *castra*, обездоленной отсутствием права старшинства», а также среди «городской олигархии» (по поводу которой становится непонятно, зачем она поддерживала этот недуг. Также приводится статистика, основанная на той же тулузской рукописи, где количество адептов катаризма значительно уменьшено – почти в десять раз. Но куда же девать среди этой «мелкой знати» такую семью, как Унод де Ланта, родственников графов Комминжей, не говоря уже о семье Лаурак (от имени которых пошло название Лаурагэ)? С другой стороны, нужно также отбросить такие показания, как свидетельство дамы Франкарвилль, которая, будучи извещенной о наступлении крестоносной армии, спряталась вместе с мужем в подземное убежище своих арендатаров, которые были совершенными.

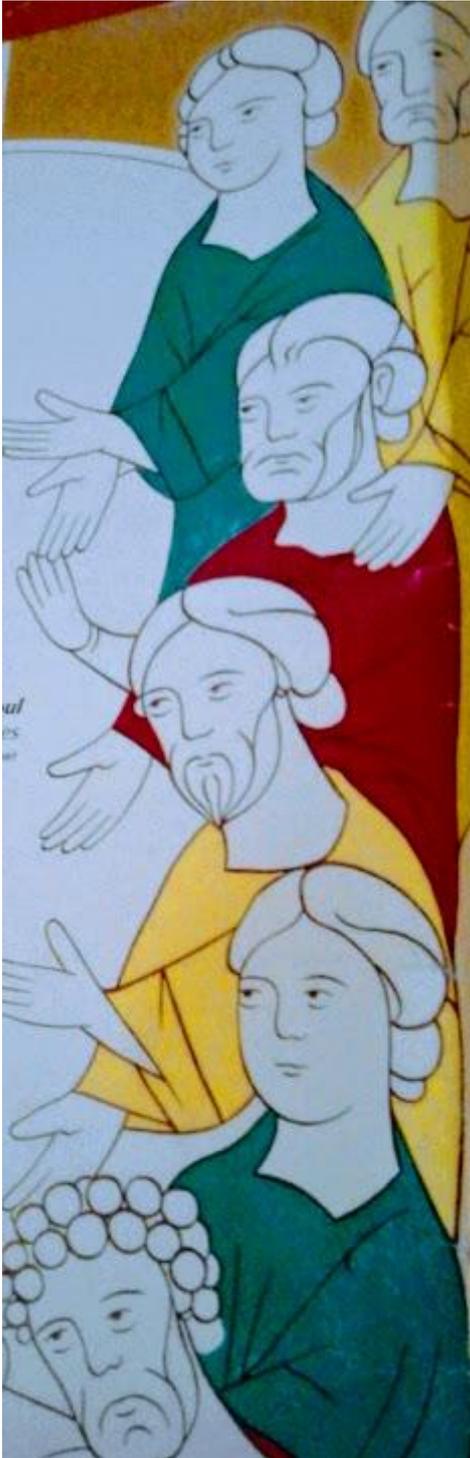
Дама де Франкарвилль свидетельствует.

«22 марта 1244 года Фелипа, жена рыцаря Арнота Гийома д'Альбиака, из Франкарвилля, в Карамане (...) сказала, что Арнот Гийом, ее муж, дал обрабатывать земли в лесу возле Франкарвилля еретикам Пейре Госберту и Пейре Росоду, его товарищу, и с того времени означенные еретики давали Арноту Гийому д'Альбиаку каждый год часть всех продуктов этих земель; и означенные еретики сделали там погреб. И означенная свидетельница [Фелипа д'Альбиак] множество раз приходила навещать этих еретиков со своей кормилицей Гильгельмой де Бельберод...».
(Doat 23, реестр брата Феррера f257r).

А перед тем, как приводить статистические данные, стоило бы заметить, что во всех показаниях жители Вердена, которых допрашивали по поводу их вовлечения в ересь, давали негативный ответ, в то время, как те же жители пытались, как могли, вызволить совершенных у аббата Сен-Папуль, и так далее. Что до городской олигархии, то есть бюргеров Альби, которых обдирал епископ Бернар де Кастанет за освобождение из тюрьмы, и пытал помощник инквизитора Галанда, то мы были бы признательны Жюльену Тьерри, если б он имел больше доверия к жалобе жителей, которую он сам же опубликовал в своей диссертации в Школе Хартий.

Лестница castruma Монсегюр на северо-западном склоне напротив донжона современного замка. Никогда на самом деле не было костра Монсегюра?

Добрые Люди из Отпуля. Мазамет, музейкатаризма.

Изжурнала *Histoire et images Medievales. L'Inquisition Medievale, Luttercontre la "perversion heretique"*, № 5, 2006, p. 4-8.